

юности другу поэту Я.П. Полонскому (*Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Полонский Я.П. Сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. И.Б. Мушиной. М., 1986. Т. 2. С. 444.*)

А в статье «О стихотворениях Ф.Тютчева» (1859) он замечал в таком же роде: “...Самая высокая мысль о человеке, душе или природе, предлагаемая поэту как величайшая находка, может возбудить в нём только смех, тогда как подравшиеся воробьи могут внушить ему мастерское произведение” (*Фет А. Стихотворения. Проза. Письма / Вступ. ст. А.Е. Тархова; Сост. и примеч. Г.Д. Аслановой, Н.Г. Охотина и А.Е. Тархова. М., 1988. С. 284.*)

Обыденность изображённой в стихотворении ситуации была истолкована пародистом Д.Д. Минаевым как “ничтожность” содержания; в его пародии (1863) обыденность заменена грубой натуралистичностью, мальчик — нерадивым слугою-подростком (казачком).

*На дворе мычит корова,
Ждёт на крыше кошку кот.
Небо тёмно и сурово,
Буря плачет и ревет.*

*“Что валяешься в прихожей!
Самовар нести пора...
Наказанье с этой рожей:
Дрыхнет с самого утра”.*

*Казачок вскочил. Сурово
Буря рвётся в ворота,
Но молчит в хлеву корова,
И на крыше нет котá.*

ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА

Стихотворение построено на антитезе “внешний мир — дом”. Холоду и свисту противопоставлено мерное, ровное мурлыканье (“пение”) кота, дисгармоничному движению — покой дремоты и сна. Кот как образ, воплощающий уют и покой, встречается также в стихотворении Фета «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», написанном почти в одно время (1843) с «Кот поёт, глаза прищуря...».

Дом в поэзии Фета “окружает личность <...> он является у Фета средоточием пейзажа, центром того пространства, которое сродни лирическому субъекту” (*Лотман Л.М. А.Фет. «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 193.*)

Оттенки значения “тепло, уют” присущи слову “ковёр”. В стихотворении сосуществуют большой и беспокойный мир природы (или всего, что не есть дом) и тёплый, родной для мальчика и кота мир детской. Но эти два мира не только противопоставлены. Для описания мира разгулявшейся стихии использован глагол “играет”, но с помощью родственного ему однокоренного слова “игрушки” характеризуется мир мальчика. Мир этот отнюдь не столь без-

мятежен, как может показаться на первый взгляд. “Как и в жизни маленького героя, в природе идёт «игра» («Спрячь игрушки» — «играет буря», «кот поёт», «ветер свищет») <...> В отличие от человека, кот, буря не могут «спрятать игрушки», отдохнуть от своего предназначения” (*Буслакова Т.П. Русская литература XIX века: Учебный минимум для абитуриентов. М., 2005. С. 238.*)

По свидетельству Фета, А.А. Григорьев, восхищавшийся этим стихотворением, восклицал: “Боже мой, какой счастливец этот кот и какой несчастный мальчик!” (*Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 152–153.*) Как понять это замечание пронизательного литературного критика и внимательного читателя? Почему мальчик несчастлив? Очевидно, потому, что он несвободен в отличие от играющей стихии, которой никто не вправе приказать спрятать игрушки и, встав с ковра, идти в спальню. Несвободен он и в отличие от безмятежно и самозабвенно поющего кота. Игра стихии и пение кота свободны, игры и поступки мальчика подчинены воле взрослых.

Повторяющийся, устойчивый образ фетовской лирики — окно. “...Уютный мир дома, комнаты обычно соотносится с *миром в окне*. Окно — живая, символическая граница комнаты и мироздания, неизменно напоминающего о себе то лунным лучом, идущим из бесконечности, то далёким, расплывающимся в ночи звуком. Это не всегда открыто выраженное присутствие <...> в дальнейшем, особенно в его поздних философских элегиях, получит структурообразующее значение. Окно как деталь, соединяющая камерный мир комнаты и мир Вселенной, проходит через всё творчество Фета” (*Сухова Н.П. Лирика Афанасия Фета. М., 2000. С. 53.*)

Н.П. Сухова, замечая, что в произведениях Фета “поэт стоит *перед окном в Мир*, который чаще всего даёт о себе знать беспокойными, тревожными сигналами”, приводит цитату из «Кот поёт, глаза прищуря...» и ещё ряд примеров: “И крупный дождь в стекло моих окон // Стучится глухо” («Хандра», 1840); “Вот утро севера — сонливое, скупое — // Лениво смотрится в окно волоковое (узкое, щелевидное окно крестьянского дома. — А.Р.)” («Вот утро севера — сонливое, скупое...», 1841), “Люблю я немятого луга // К окну подползающий пар” («Деревня», 1842); “Печальная берёза // У моего окна” («Печальная берёза...», 1841); “Те же окна, как вчера, // Те же двери, та же свечка, // И опять хандра...” («Не ворчи, мой кот-мурлыка...», 1843); По мнению исследовательницы, “окно, распахнутое в мир, отсекает своей четырёхугольной рамкой часть бесконечности и таким образом делает её конечной, подразумеваемая в то же время продолжение «конечного» за пределами своей рамки. То есть «окно в мир» — это прекрасный пример *стыка, борения* конечного с бесконечным” (*Сухова Н.П. Лирика Афанасия Фета. С. 67–68.*)

Образ окна встречается и в других лирических произведениях Фета. Например, в стихотворении